

«Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспреостанное возобновление явных оскорблений, при всем нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах нашей империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император нападением на войска наши при Ковно открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог».

*Приказ Александра I по русской армии.
Вильно, 13 (25) июня 1812 года*

Пролог

Подмосковье. 13 января 2021 года

Рождество этого года было на базе проекта «Вектор» довольно-таки скучным. После гигантского «прокола» прошлого года сам проект оказался на грани закрытия. Его бы и законсервировали, но та же катастрофа заставила продолжать исследования, усилив секретность, насколько это только было возможно. Все дело было в непрогнозируемых энергетических пробоях, которые появились не только в Подмосковье или на территории матушки-России, но и в самых разных уголках земного шара. Единственное, что пока что радовало — так это невысокая энергия фиолетовых сгустков, лишь отдаленно, формой, напоминавших шаровые молнии. Создавать новую структуру для изучения этого природного явления было бы излишней расточительностью. Вот на самом высоком уровне и решили пока что проект придержать, урезав его финансирование до самого минимального, но дающего хоть какую-то результативность.

Сейчас на базе было пустовато. Кроме охраны в здании было три человека, которые и отвечали за весь проект. Официальный руководитель (куратор) проекта — генерал-лейтенант госбезопасности Валерий Николаевич Кручинин, пятидесятивосьмилетний мужчина почти в сто девяносто сантиметров роста, обладатель чуть полноватой фигуры, густой копны седых волос, к коим прилагался мощный зычный голос, который, наверное, мог перекрыть танковый двигатель. Во всяком случае, когда генерал начинал орать на проштрафившегося подчиненного, то несчастный объект начальственного

гнева от этого рыка сгибался, а окна дребезжали, грозя в мгновение разлететься. Особенно подчиненных впечатляла начинающая раскачиваться при первых децибелах гласа вопиющего люстрочка — кто знает, на кого рухнет, хорошо, если на генерала, а если на него, дрожащего? Грозен был наш генерал, хотя внешне и не скажешь — обычный круглолицый добряк-человек, разве что брови слишком густоваты да глаза с таким острым взглядом, что режут тебя, как лазер селедку...

Он был одет в не слишком дорогой костюм отечественного производства, при этом не удушая шею галстуком. По современной моде такое рандеву называли бы встречей без галстуков, но тут подвел Марк Соломонович Гольдштейн, который явился на встречу при полном параде: этот невысокий худощавый мужчина был одет в строгий, стального цвета костюм, пошитый по индивидуальному заказу из отличной английской шерсти. Сей предмет туалета был несколько старомоден, как и ослепительно белая рубашка, вот только сделаны оба были из столь дорогих материалов, что любой человек, разбирающийся в одежде, прекрасно понимал, что имеет дело с весьма обеспеченным господином. Надо сказать, что хорошая и добротная одежда была особым пунктиком гениального ученого. Правда, иногда он облачался и в костюм своей первой молодости, если не студенческого, так аспирантского периода жизни, но только тогда, когда ему надо было шокировать какую-то публику. А вот в области «шокировать» он был известным специалистом.

Третьим оказался полковник госбезопасности Николай Степанович Полковников, человек, который отвечал за безопасность проекта, не так

давно вышедший из комы. Он был среди тех, кто попал под *катаклизм*, оказавшись практически в его эпицентре. Сейчас это была половина того Полковникова, которого все в проекте знали и любили. Увы, половина почти в прямом смысле этого слова: он сильно похудел, правая рука почти не двигалась, а лицо и часть туловища были обезображены многочисленными рубцами фиолетового оттенка, которые и не собирались рассасываться. Один из шрамов задел уголок рта, из-за которого казалось при разговоре, что полковник немного скалится, а его улыбка становилась чуть-чуть угрожающей. В результате лицо его напоминало плохую маску из фильма ужасов, но вот сила воли никуда не делась. Он сразу, как только позволили врачи, снова взялся за работу, перестраивая протоколы безопасности с учетом случившихся проблем. Пострадавший в темпоральной аварии был одет в обычный свитер грубой вязки и весьма свободного покроя брюки, чем сильно отличался от своих костюмированных коллег, но пока что другая одежда ему не подходила.

— Марк Соломонович, вы уверены, что нам надо привлечь этих двух специалистов? — Кручинин проследил взглядом за кофейным автоматом, вздохнул, да пошел доставать чашку с приготовленным напитком. В этом междусобойчике не было алкоголя, не было и обслуживающего персонала. Все сам, все себе. Ответ не заставил себя ждать. Не было ясно, куда подевался одесский говор, которым столь часто козырял академик, но как-то так:

— Я прошу только двух. По большому уму сюда надо загнать десяток толковых физиков, понимаю, бюджет. Сразу надо было так сделать. Тог-

да бы поставили предохранитель от неприятностей. Чернобыль-то научил, вижу, что не всех. А у нас тут все просто: в проекте жуткий перекося в сторону математиков и полуфизиков-теоретиков, опять-таки упор у них в сторону теоретических расчетов. Я прошу двух физиков: Шарова и Маковского. Они не гении, но это крепкие физики-экспериментаторы, способные что-то создать «на коленке».

— Марк Соломонович, вы называете физиками не евреев? С чего такая щедрость? — не удержался от шпильки генерал-лейтенант. Полковников отошел к фальшивому окну, которое работало как экран электронной защиты, и пока что помалкивал.

Гольдштейн, что удивительно, шпильку оставил без внимания.

— Михаил Шаров и Всеслав Маковский станут ядром двух направлений, которые мы можем потянуть — и по материальным средствам, и по наличию персонала. Моя группа будет уточнять теорию темпорального взаимодействия и переноса. Это проблема на перспективу. Рабочая группа — я и три математика. Больше не надо. Михаил Павлович возьмется за изучение пробойных энергетических явлений, наша цель — создать модель пробоя. Как в теории, так и в натуре, микропробойчик.

— Это то направление, из-за которого нас и оставили пока на плаву, — подтвердил правильность идеи академика Кручинин.

— А Всеслав Матвеевич займется созданием темпоскопа. Нам нужен метод, который позволит наблюдать за происходящим в параллельных измерениях, чтобы понять, что там происходит и что реально дали наши преобразования. Прибор не должен быть слишком энергоемким и слишком

затратным финансово. И одних теоретиков для этого недостаточно. Нужен физик-экспериментатор с руками, которые растут не из жопы.

— Что думаете по этому поводу, Николай Степанович? — обратился генерал-лейтенант к полковнику.

— В предложениях уважаемого Марка Соломоновича есть рациональное зерно. Мы на фоне первого успеха с Толоконниковым слишком бездумно раздули штат научных сотрудников. И их уволить нельзя. Никак нельзя. Разве что закапывать тела после ликвидации. Но это крайне расточительно. Вообще не наш метод. Так что ради сохранения безопасности проекта я буду «за».

Валерий Николаевич отпил кофе, поморщился. Несмотря на то, что автомат был дорогим, а зерна известного производителя, напиток был не очень. Подошедший Полковников выбил кофейную гущу, вытащил небольшой бумажный пакетик, практически не заметный за пачками фабричных упаковок. Он зарядил автомат порошком из пакетика. Автомат засветился, зашипел, начал плевать кипятком, наполняя чашку напитком. Кручинин попробовал новую версию напитка. Аромат и вкус были на высоте.

— Этот пакетик наши держат для большого начальства, — Чистая арабика, — пояснил полковник.

— А сделайте и мне. Хочу оказаться большим начальником! — подал голос Гольдштейн.

Вскоре на столе стояли три чашки с ароматным напитком, а пакетик отправился в мусорную корзину.

— Голосовать не будем, — подвел итог разговору генерал. — Предложение уважаемого Марка Со-

ломоновича принимается. Ваши соображения — по научной части и по безопасности — жду послезавтра утром на столе. Моем столе, а не вашем...

Подчеркнув, что официальная часть разговора закончена, Кручинин выставил на стол пузатую бутылочку «Двина» и тройку коньячных бокалов. С Рождеством!

Часть первая ВОЙНА ВОЙНЕ

Эта война положит конец
войнам. И следующая — тоже.

Дэвид Ллойд Джордж

Глава первая ПЕРВЫЕ РАЗБОРКИ

И охота же ей лезть не в свое дело!
Удивительно, как возбуждает женщин
один лишь запах скандала.

Джон (Джозеф) Максвелл Кутзее

*Санкт-Петербург. Ново-Михайловский дворец,
5 марта 1880 года*

ЕИВ Михаил II

Увы, мой первый фактически рабочий день в роли императора (избранного, но еще не венчанного на царство) начался с визита одной скандальной дамы. Крик во дворце стоял с самого утра, так что пришлось все-таки эту неугомонную особу принять. А что уж тут делать? До визита нужных мне лиц время было, не вызывать же караул али полицию, дабы вывести скандал на еще больший уровень! Ну уж нет! Будем давить паровозы, пока они чайники! Коронацию решили провести 16 сентября сего года в день архистратига Михаила Архангела в Москве. Вроде бы несколько поспешно, но тут был найден единственно возможный компромисс

между стремительностью и необходимым для подготовки действия временем. Ладно, вернемся к нашим... овечкам...

Я рассматриваю женщину, которая пока и слова не сказала, но вся из себя изображает разгневанную Диану, того гляди, начнет стрелы метать... Не, в оленя ты меня не превратишь, дудки! Не на того нарвалась! И что тут сказать? Не понимаю я «братца», никак не понимаю. Назвать ее красавицей, вот уж нет, как на меня, лицо ее с неправильными чертами, полноватое, да и тело отнюдь не балетное, впрочем, танцовщицы конца этого века и конца двадцатого — начала двадцать первого это очень большая разница. По весу, конечно. Сия дамочка, Екатерина Гавриловна Числова, давно на сцене не порхала. С тех пор как упорхнула в великокняжескую постель. Невысокая, полноватая, впрочем, выправка танцовщицы чувствуется, а вот личико, как на мой вкус, кошмарненькое... Да-с, Коленька, ну нельзя же быть настолько непритязательным. Круглое аки луна, маленькие, глубоко посаженные глазки, злые, ну так это понятно, что злится, почти была императрица... Впрочем, говорят, характерец у нее тот еще! Носик... Уф... в общем, одета как барыня, а по внешности — кухарка, самая типичная. Я не ханжа и не аристократ, я историк, но плебейская внешность тут просто... Ладно, хватит... Чем она взяла Николашу? Так ясно чем! Время такое... пуританское. Сексуально раскованная дама полусвета — это уже готовая медовая ловушка, а если это еще и светская дама — так это ж «роковая женщина», как это по-татарски, «кирдык манда»? Ага, точно кирдык. Вспомните, что будет вытворять Маша О'Рурк, она же Ма-

рия Тарновская, ныне трехлетняя полтавчанка? Будет разбивать сердца, доводить любовников до самоубийства, чем она их притянет к себе? Да все той же сексуальной раскрепощенностью. А тут балеринка прибрала к рукам великого князя. Не повезло Николаю Николаевичу в браке. Не обладая ничем выдающимся, кроме внешности, великий князь был женат на Александре Фредерике Вильгельмине, дочери Петра, герцога Ольденбургского. Слабое здоровье супруги, которая подарила мужу двух сыновей, на чем их интимная жизнь подошла к грустному концу, — вот и наш вечно озабоченный князь стал еще с большей настойчивостью искать успеха у дам самого разного пошиба¹. А тут балет! Тем более что танцевальные труппы выполняли в то время функции борделя для избранной публики.

Как только связь между Николаем и Числовой стала достаточно крепкой, настолько, что Александра Петровна вынуждена была покинуть Россию, проживая в Европе, Катюша стала демонстрировать характер, прижав князюшку к ногтю. Наш Ник-Ник оказался подкаблучник! Бывшая балеринка родила князю пятерых детей, четверо из которых были живы-здоровехоньки, и их обеспечением Николай занимался со всей возможностью. Воровал? Да, не приворовывал, а именно что воровал. Причем долги его были столь велики, что

¹ Надо сказать, что после смерти Числовой, когда болезнь великого князя зашла слишком уж далеко, его эротические приключения стали вообще притчей во языцех: Ники не пропускал ни одной юбки и волочился за всеми подряд. Лечение или, скорее, изоляция Н. Н. Старшего в Крыму была вынужденной мерой в этой ситуации.

собирался продать Николаевский дворец, чтобы только рассчитаться с кредиторами. А какие скандалы закатывала бедному Ники Катюша! Она врывалась в его кабинет и требовала показать переписку, не пишут ли ему молодые танцовщицы, дабы через постель получить место в труппе! Дошло до того, что вся переписка великого князя, генерал-фельдмаршала, главнокомандующего гвардией попадала сначала в цепкие ручки экс-балерины, а потом уже... Я знал, что после ее смерти деткам останется миллион золотых рубликов... В общем, обеспечила их будущее.

Стою. Молчу. Держу паузу. Знаю, что она не выдержит первая, а это мне и надо. Неплохая такая аудиенция получается: стоим и помалкиваем! Ага! Нет, не выдержала...

— Ваше императорское высочество...

Ох... Ничего себе заявочка, газет, что ли, милочка не читает? Или это предьява такая? Нью-нью... Продолжаю стоять с каменным лицом.

— Я пришла к вам с требованием справедливости. Ибо не к кому более. Пока что...

Опять молчу, смотрю в нее, как в пустое место, или правильно говорить «на пустое место»? Начхать. Сначала надо на место поставить зарвавшуюся дамочку. Это тебе не братец Ники. Это наш старший брат благоволил слабости Николаши. Сам был грешен. Мне как-то не комильфо... Вот как ноздри раздуваются! Говорят, братцу тувелькой да тапком от полюбовницы перепадало, и не раз и не два! Ну че, рискнет тувлю снять? Рассматриваю ее, как биолух какой-нибудь бабочку в микроскоп, думая, на хрена такую оболочку столь бесполезному созданию? Ага, минуту выдержала и сдулась...